

Трубникова Н.Н.

ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 9; зам. главного редактора журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: trubnikovann@mail.ru.

Наследие индийского буддизма в «Собрании стародавних повестей»

Аннотация: «Собрание стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю», 1120-е гг.) – самый крупный в японской словесности свод поучительных историй *сэцува*. Из тысячи с лишним его рассказов 185 посвящены Индии. По большей части это достаточно простые примеры воздаяния счастьем за добрые дела и горем за злые, притчи об относительности любых различий (между знатным и простым, богатым и бедным, мудрым и глупым), случаи из жизни Будды Шакьямуни, его учеников и последователей. Эти истории взяты отчасти из сутр, отчасти из китайских буддийских энциклопедий или из сочинений китайцев-паломников, бывавших в Индии; сюжеты отражают взгляд японских книжников на то, какой должна быть родина Будды. В пересказе сюжет нередко подгоняется под задачу: доказать, что японская буддийская община не слишком далеко ушла от древнего индийского прообраза. Жанр *сэцува* не предполагает рассмотрения сложных философских вопросов, но тем интереснее рассказы, где цитируются отрывки из книг буддийского канона. Также примечательны истории о знаменитых наставниках, таких как Нагарджуна и Васубандху, и о начале значимых для Японии традиций: почитания будды Амидабхи, бодхисаттвы Авалокитешвары и «Лотосовой сутры».

Ключевые слова: японский буддизм, индийский буддизм, «Собрание стародавних повестей», нидана, джатака, авадаана, вякарана.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

В конце XI – начале XII в. в Японии был составлен огромный свод поучительных историй *сэцува*: индийских, китайских и японских, древних и недавних. Как он назывался по замыслу составителей, неясно¹, а известен он под заглавием «*Кондзяку моногатари сю*:», принятый русский перевод – «Собрание стародавних повестей». *Кон-дзяку* (иное чтение *има ва мукаси*) – это зачин каждого из рассказов: его можно перевести как «давным-давно», «в стародавние времена», но точнее – «теперь / для нас это стало стариной». Перед нами прошлое, увиденное из настоящего, предыстория той Японии, в которой жили составители. И начинается эта предыстория не в японской древности, а гораздо раньше, в Древней Индии. Для рассказчиков важно, что живут они в «последнем веке» – на исходе той эпохи, которая началась с приходом в мир Будды Шакьямуни. Знали они об Индии лишь то, что прочли в книгах китайского буддийского канона, причем набор этих книг не очень велик: около десятка сутр², два энциклопедических собрания историй³, да еще записки знаменитого путешественника и переводчика VII в. Сюань-цзана (ок. 602–664) о паломничестве в Индию. Отбор эпизодов из источников и способ их изложения явно небеспристрастны – и именно поэтому примечательны.

Индийская часть «*Кондзяку*» состоит из пяти свитков⁴. Первые три повествуют о земной жизни Будды – от сошествия с неба и рождения в царском роду и до ухода в нирвану. Об этих свитках я под-

¹ Об истории памятника и его изучения см.: *Трубникова Н.Н., Бабкова М.В.* «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности // Япония. Ежегодник. 2018. С. 162–202. Я пользуюсь изданиями: *Кондзяку моногатари-сю*: / Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюньити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио, 1993–1999; *Кондзяку моногатари-сю*: / Под ред. Накагава Сатоси, сетевая версия 2018. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html. Указывая источники рассказов, я следую комментариям в названных изданиях, а также в работе: *Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete transl. of the Konjaku monogatari shū* by Yoshiko Dykstra. Vols. 1–3. Honolulu, 2015.

² В том числе «Сутра о причинах и их плодах в прошлом и настоящем» (яп. «*Како гэндзай инга-кё*:»), ТСД 3, № 189), «Сутра ста избранных преданий» (яп. «*Сэндзю: хякуэн-гё*:»), ТСД 4, № 200), «Сутра о мудрости и глупости» (яп. «*Кэнгу-кё*:»), ТСД 4, № 202).

³ «Сады Закона, роши драгоценностей» (кит. «*Фаюань чжулинь*»), яп. «*Хо:он дзюрин*»), ТСД 53, № 2122, 668 г.) и «Разные примеры из сутр и уставов» (經律異相, кит. «*Цзинлюй исян*»), яп. «*Кё:рицу исо*:»), ТСД 53, № 2121).

⁴ Построение этой части собрания подробно исследовано в работе: *Коминэ Кадзуаки.* *Кондзяку моногатари-сю: Тэндзикубу-но кэйсэй то ко:дзо*: [Состав и структура индийской части «Собрания стародавних повестей»] // *Journal of cultural and social science.* 1980. Vol. 15. P. 1–25; 1981. Vol. 16. P. 1–24.

робнее пишу в другой статье⁵, так что здесь скажу о них лишь коротко. 4-й свиток охватывает события начиная с составления буддийского канона и до той поры, когда индийские наставники отправились проповедовать в Китай. По хронологии далее должен был бы следовать свиток о буддизме в Китае, но перед ним помещен еще один, под заглавием «Индия до Будды». В структуре собрания он соответствует мирским (небуддийским) разделам: точно так же китайскую часть замыкают рассказы о почтительных детях, императорах, даосских мудрецах, а вторую половину японской части составляют истории о савонниках, поэтах и музыкантах, воинах и др. Индийские мирские рассказы взяты опять-таки из буддийского канона, среди них есть притчи, условно «исторические» предания, джатаки (о том, кем были Будда и его ученики в прежних жизнях), а также рассказы о том, как люди жертвовали собой, чтобы услышать хоть одну или две строки Закона, Дхармы – в пору, когда прежний будда уже ушел из мира, а новый еще не явился. Закон мыслится при этом как вечный, а Будда Шакьямуни – как один из длинной череды будд⁶. 4-й и 5-й свитки «Кондзяку» я в этой статье разберу последовательно, чтобы показать, по какому принципу подобраны рассказы и какая картина индийского буддизма из них выстраивается.

Нынешнему читателю «Кондзяку» бросается в глаза, что в рассказах о Будде сам Шакьямуни говорит очень мало. Возможно, такова особенность жанра, если исходно *сэцува* – это вставные примеры для проповедей: слова Будды проповедник цитирует и разъясняет в других разделах своего выступления, а примерами иллюстрирует их, и здесь для новых речений Учителя и для их разбора места уже нет. Или же дело в другом: легенда о Будде должна в «Кондзяку» звучать как общее достояние всей японской буддийской общины, но не какой-то одной из школ. А почти любое изложение учения соотносилось бы с той школой, которая его берет за основу; при таком ограничении процитировать можно лишь очень немногие места из канона.

Речи будды в «Кондзяку» сводятся к трем основным типам: 1) клятвы; 2) рассказы о прошлых делах такого-то человека, приве-

⁵ Трубникова Н.Н. Рассказы об Индии времен Будды в «Собрании стародавних повестей» // Япония. Ежегодник. 2020. Т. 49 (в печати).

⁶ Японские наставники обычно говорят о семи буддах прошлого; из них в «Кондзяку» чаще других упоминаются первый, Випашьин, и шестой, Кашьяпа; Шакьямуни – седьмой в этом ряду. История Будды Шакьямуни одновременно и уникальна – именно она делает нынешний мир таким, каков он есть, – и типична, повторяет истории прежних будд с небольшими изменениями.

ших ныне к таким-то последствиям по закону воздаяния; 3) предсказания, то есть сообщения о будущих последствиях чьих-то деяний.

В рассказе 1–2⁷ описано чудесное рождение Будды: «Едва царевич родился, боги его взяли за руки и помогли ему пройти по семь шагов на четыре стороны света. Едва ступал, под ногою вырастал лотос и принимал его ступню. семью шагами на юг указал царевич, что для бесчисленных живых существ он станет буддой, самым урожайным полем⁸. семью шагами на запад указал, что нынешнее тело его – последнее, что больше он не родится, а в этот раз проживет до старости, а потом положит предел самой смерти. семью шагами на север указал, что переправит всех на тот берег через море рождений и смертей. семью шагами на восток указал, что станет главным провожатым для всех живых. И еще по семь шагов прошел в каждый из промежутков между сторонами света – и указал, что станет Буддой, отсечет все страсти и страдания. семью шагами вверх указал он, что ради нечистых он не запятнается скверной. семью шагами вниз указал, что прольет дождь Закона, угасит пламя ада, поможет всем живым обрести радость в покое и мире».

Затем царевич произносит стихи:

Я исчерпал ту долю, что велит родиться из утробы,
 Это тело – мое последнее тело,
 Я же исчерпаю и всякое загрязнение
 И точно переведу всех живых на тот берег!

Здесь Будда предвещает свою судьбу и словами, и движениями: «Семь его шагов являют суть семи частей просветления»⁹. Таким образом, жизнь Будды не только воспроизводит судьбу прежних будд,

⁷ Здесь и дальше при ссылках на «Кондзяку» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нем. Разбор рассказа дан в статье: *Танака Норихико*. Дзиппо: ситихо то тандзё:гэ – «Кондзяку моногатари-сю» Тэндзикубу Буцудэн-о мэгуттэ [Семь шагов на десять сторон и гатха, произнесенная при рождении: из предания о Будде в индийской части «Собрания стародавних повестей»] // Буккё: дайгаку Буккё: гаккай киё: [Труды центра буддийских исследований Буддийского университета]. 2016. Вып. 21. С. 31–55.

⁸ Создаст ту среду, в которой людям и другим живым существам с наибольшим успехом удастся накапливать «заслуги», творить добрые дела и обретать благие «плоды».

⁹ Эти семь частей таковы: 1) выбор подходящего учения (*такухо*., санскр. *Дхарма-правичая*); 2) усердие (*сё:дзин*, санскр. *вирья*); 3) радость (*ки*, санскр. *прити*); 4) легкость и покой (*кэйан*, санскр. *прашрабдхи*); 5) памятование (*нэн*, санскр. *смрити*); 6) сосредоточение (*тэй*, санскр. *самадхи*); отрешенность (*ся*, санскр. *упекиа*).

но и служит прообразом для каждого человека, кто вступит на путь освобождения. Стихотворные строки процитированы по-китайски; они взяты из «Большого трактата о запредельной премудрости»¹⁰, одного из важнейших текстов махаяны, но в трактате третья строка гласит: «Я и сам обрету освобождение». В «Кондзяку» она заменена строкой из «Лотосовой сутры»¹¹, причем в сутре ее произносит не Будда, а его ученик Шарипутра. Возможно, замена строки служит цели напомнить, что Будда спустился в помраченный мир, подобно тому как «умеряют свой блеск, мешаясь с пылью», *вако*: *до:дзин*, даосские мудрецы и японские божества *ками* (формула восходит к «Дао дэ-цзин», 4).

В дальнейшем клятвы Будды звучат, например, так: «Кто любит друг друга, непременно расстаются. Я хочу лишь одного: разреши мне уйти из дому, вступить на путь ученья! И я постараюсь всех живых привести к освобождению от мук разлуки с любимыми!» (говорит царевич отцу, 1–4); «Если не достигну истинного просветления, никогда не встану с этого сиденья!» (говорит царевич, сев под деревом бодхи, 1–6).

Первая проповедь Будды в городе Варанаси изложена в рассказе 1–8. Будда обращается к бывшим своим товарищам по «трудным делам», аскетическим упражнениям: «Вы в малой вашей мудрости не сомневайтесь, не считайте за пустяк, достиг я Пути или не достиг! Почему? А потому, что когда вершишь трудные дела, сердце приходит в смятение. А когда получаешь удовольствия, сердце радуется. Потому я и отдалился от двух путей, трудного и радостного, пошел по Срединному Пути, и теперь смог достичь просветления-бодхи». О содержании проповеди в рассказчик далее лишь говорит, что Будда учил «о страдании, стечении, уничтожении и пути»; пояснений к «четырем благородным истинам» он не дает.

Далее в нескольких рассказах Будде противостоят приверженцы «иных путей», *гэдо*:, таких как «путь великих мудрецов», «путь чудотворцев» и «путь Вед» (1–9). Но о содержании их споров с Шакьяму-

¹⁰ Санскр. «Маха-праджня-парамита-шастра», кит. «Дачжиду-лунь», яп. «Дайтидо-рон», ТСД 25, № 1509, 58а.

¹¹ Санскр. «Саддхарма-пундарики-сутра», кит. «Мяофа лянхуа-цзинь», яп. «Мё:хо: рэнгэ-кё:», ТСД 9, № 262, 10 с, ср. в пер. А.Н. Игнатовича: «Я уже прекратил впитывать “загрязнения” || И, слушая Будду сейчас, || Также устранил в себе беспокойство и страдание». См.: Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Изд. подг. А.Н. Игнатович. М., 1998. С. 116.

ни речи нет – только об их кознях, которые Будда преодолел, и о том, как они пытались состязаться с Буддой и его учениками в чудотворстве. Доводы «иных путей» изложены так: «В ваш город придет шрамана Гаутама. Это очень дурной человек. Кто богат, тем он скажет: мирское бесполезно, накапливайте заслуги! – и люди из-за него лишатся имущества, станут бедняками. Любящие супружеские пары он научит: мир непостоянен, следуйте Закону Будды! И супруги расстанутся. Как увидит красивую женщину в расцвете лет, станет уверять: мир ничтожен, стань монахиней! – и заставит ее обрить голову. Так он учит, обманывает людей, вводит в убыток, разлучает, уродует – вот каков злодей!» (1–14). Для рассказчика важно, что Будда для своего времени – не единственный учитель, что ему приходится доказывать превосходство своего учения, правда, обычно чудесами, а не словами.

Еще одна стихотворная цитата содержится в рассказе 1–22. Некий царь в подарок другому царю изготовил изображение Будды, и Шакьямуни велит написать на картине:

Если ты хочешь уйти в дальний поход,
Тебе нужно запастись учением Будды.
Так ты сможешь одолеть воинство рождений и смертей,
Так же легко, как слон крушит травяную хижину.
Кто принял Закон и Устав,
И всегда упражняется, не ленится,
Тот сможет переплыть море страстей
И достичь берега избавления от страданий.

Стихи взяты из одной из версий устава буддийской общины¹², где они входят в повторяемое несколько раз величание улыбки Будды. Чудесная сила Закона Будды станет далее темой множества рассказов.

Вот пример повествования о «наследии прежних деяний»: Ананда, ближайший ученик Будды, спрашивает, почему другой ученик, их общий родич Анируддха, стал лучшим ясновидцем в общине. Будда рассказывает: в прежней жизни Анируддха был вором, однажды грабил пагоду будды Випашына и поправил фитиль в лампе перед статуей (чтобы лучше видеть сокровища, лежащие в пагоде). Глядя на прекрасный лик будды, вор раскаялся и ничего не взял; за эту заслугу

¹² «Муласарвастивада-виная-вибханга», кит. «Гэньбэнь шо ицзе юбу пинайе», яп. «Компон сэцу иссай юбу биная», ТСД 23, № 1442, 669 с, 811b и др. См.: *Kishino R. A Study of the Nidāna: An Underrated Canonical Text of the Mūlasarvāstivāda-vinaya*, PhD diss., Los Angeles, 2013. P. 330.

ему и воздалось: он смог встретиться с Шакьямуни, вступить на монашеский путь и обрести ясновидение (2–19). Пример предсказания: некий брахман, встретив Будду на улице города Шравасты, с почтением обходит его по кругу и кланяется. Будда предсказывает: отныне на протяжении долгих веков этот брахман не будет рождаться в дурных мирах, всегда будет счастлив, а в итоге вступит на путь подвижничества (1–36).

В 3-м свитке рассказчик много места отводит историям, чья общая тема – относительность горя и счастья. Например: у царя родился сын, безобразный, словно демон. За чёрный цвет кожи и рыжие волосы его прозвали Горелым, родители невзлюбили его. Царевича растили в уединенной хижине, но когда на страну напал враги, он вызвался идти на войну. Взяв лук своего деда, праведного государя, и боевую трубу, он вышел навстречу врагам, устроил их ревом трубы, звоном тетивы и собственным ужасным обличем, и враги отступили. Царь благодарил его, говоря, что из всех царских детей лишь он один показал себя настоящим царевичем. Затем царевич решил жениться, и ему сосватали невесту из дальних стран и устроили так, чтобы молодые виделись только ночью. Но царские наложницы подговорили жену царевича взглянуть на мужа при свете дня, она ужаснулась и уехала к себе на родину. В тоске царевич пытался броситься с горной кручи, но боги спасли его и изменили его внешность, сделали красавцем. Царевич отправляется за женой, супруги воссоединяются, а тестя на радостях уступает зятю престол. Так в итоге царевич вопреки – а по сути благодаря своей отвратительной внешности становится царем двух царств (3–15). Подобные рассказы наряду с другими, где появляются и архаты, и бодхисаттвы (в частности, Манджушри), призваны показать: основы учения махаяны, в том числе установки на относительность любых различий и на заботу о других, а не на собственное совершенствование, появляются уже при Будде, а не в последующие века. Тем самым японские школы, в большинстве своем махаянские, возводят свое происхождение ко временам Будды.

История Индии после Будды начинается в «Кондзяку» с первого «собора» его учеников. Ананду – самого памятливого – пытаются не пустить на собрание монахов, говоря, что он был усердным слушателем, но пользы из наставлений Будды не извлек. Вдобавок его обвиняют в том, что он уговорил Будду разрешить женщинам принимать монашество, хотя сам учитель и предсказывал, что из-за этого Правильный Закон просуществует не дольше пятисот лет; что не подал учителю воды в пору последней болезни; что не ответил, когда Будда

спрашивал, не прожить ли ему в этом мире бесчисленные века; что не прогнал мать Будды, царицу Майю, от гроба, когда она сошла с небес проститься с умершим сыном, то есть позволил женщине коснуться тела Будды. Ананда отвечает на все эти упреки: община состоит и из монахинь и мирянок, а не только из монахов и мирян; я не подал учителю грязной воды, ибо в тот час через реку переправлялось пятьсот повозок; царице Майе не стал мешать, чтобы в грядущие века все знали, как глубока связь между родителями и детьми (ведь и сам Будда, как сказано в рассказе 3–33, восстал из гроба, чтобы проститься с матерью). Что же до вопроса о долгой жизни Будды, то Ананда объясняет: «Демоны-мары и иноверцы обратили бы нам во вред мой ответ», причем и теперь не говорит, как хотел бы ответить. «Ученость мне нужна лишь затем, чтобы четырьмя сиддхантами (*си суттан*) принести пользу всем живым», – настаивает он, имея в виду четыре способа проповеди: на языке 1) принятом в кругу мирян; 2) приспособленном для каждого отдельного слушателя; 3) способном разрушить помрачения слушателя; 4) соразмерном истине как таковой. В итоге Кашьяпа, председатель собора, говорит Ананде: если ты и вправду опытен, а не только учен, ты сможешь войти на собор и через закрытые двери! Так Ананда и поступает, ему дают слово, он начинает: «Так я слышал...» – и словно бы Будда возвращается к ученикам и снова проповедует. Со слов Ананды другие ученики записывают сутры Великой и Малой колесниц, махаяны и хинаяны. Здесь опять-таки подчеркнута, что два извода буддийского учения не различаются как ранний и поздний (4–1).

Царь Прасенаджит принимает у себя Рахулу, сына Шакьямуни. За трапезой тот вдруг заливается слезами – ибо вкус еды уже стал не таким, как при жизни Будды. В доказательство Рахула чудом достает из-под земли зернышко, созревшее еще до ухода Будды; вкус его в самом деле намного лучше. Для чего же богиня земли хранит этот вкус, если время Будды прошло? – Она его бережет для тех людей «последнего века», кто устроит трапезу для монахов и чтения «Сутры о человеколюбивых царях»¹³. Здесь соединяются две темы: неизбежной порчи мироздания – и обрядов, могущих противостоять упадку, пусть на время, но возвращать людей в век Будды (4–2).

О царе Ашоке, жившем через сто лет после ухода Будды, японцам в XII в. было известно, прежде всего, то, что он построил по всему

¹³ Яп. «Нинно:кё:», ТСД 8, № 245, в Японии почитается как одна из сутр для защиты страны. В «Кондзяку» чудеса этой сутры описаны в рассказах 6–9, 7–11, 7–12, 14–35.

миру огромное количество пагод – в знак почитания Закона и покаяния в собственных грехах (такие пагоды показывали и в Китае, а порой и в Японии, хотя на самом деле они к Ашоке отношения не имеют). «Кондзяку» дает не совсем обычное объяснение поступку царя: Ашока будто бы каялся не в том, что убивал врагов на войне, а в том, что казнил множество своих жен, после того как одна жена из ревности погубила сына другой. Ведь «заслуги от постройки пагод неопостижимы, даже если кто-то в шутку складывает их из камешков, вырезает из дерева», – сообщает царю монах Упагупта. Затем говорится, как Ашока в союзе с богами и демонами пошел войной на драконов, чтобы добыть хранимые в их царстве частицы останков Будды и поместить в свои пагоды (4–3). Далее помещен рассказ о сыне Ашоки по имени Кунала: царица-мачеха воспылала к нему страстью, он ее отверг, она стала интриговать, и царь услал сына на дальнюю окраину царства. Но царица отправила туда подложный приказ ослепить царевича – и Кунала покорно принял кару. Затем он скитался, просил милостыню, играя на цитре, однажды пришел ко дворцу Ашоки и царь узнал сына в слепом нищем по звуку цитры. Мудрый монах находит способ вернуть царевичу глаза: промыть глазницы слезами множества людей, пролитыми в тот час, когда они слушали слова Закона. Монах проповедует о двенадцати звеньях цепи взаимозависимого возникновения (*пратитья-самутпада*), слушатели плачут, их слезы собирают и царевича исцеляют. Рассказчик снова лишь называет тему проповеди, не разворачивая ее, но и не обходит вниманием вовсе; важнейшие понятия буддийского учения в рассказах хотя бы звучат, чудодейственная их мощь показана в действии – а за толкованием их читатель может обратиться к знатокам (4–4).

Ашока строит на земле подобие буддийского «ада», «подземных темниц», *нарака*, и велит бросать туда сначала преступников, а потом и всех, кто окажется поблизости. Туда пытаются заточить мудреца, но кипящий котел превращается в пруд с лотосами. Царь приходит на это посмотреть, тюремщик спрашивает: а на тебя самого, о царь, твой приказ распространяется? На всех без исключения! – отвечает Ашока и бросает в темницу тюремщика, наглядно показывая, к чему может привести игра с парадоксами (4–5). Мудрый монах Упагупта велит юному ученику остерегаться женщин, а тот самонадеянно отвечает, что уже избавился от тяги к женскому полу. Тогда учитель принимает обличье красавицы, соблазняет его, и вдруг возвращается в свой истинный облик, да еще и на виду у прохожих, а потом рассказывает о случившемся всей братии. По словам рассказчика, «Упагупта настав-

лял учеников на Путь в точности как Будда» (4–6) – и в «*Кондзяку*» в самом деле есть истории, где наставление Будды похоже на фарс; например, в рассказе 3–19 в доме одного из его почитателей-мирян старая служанка ворчит, что монахи вводят хозяев в расходы, морочат их. Шакьямуни ей являет настоящий морок: она видит Будду всюду, куда ни взглянет – на дверях, на стенах, на земле, в небе, и даже на своих ладонях, когда пытается закрыть лицо руками.

И все-таки времена царя Ашоки – уже не век Будды. Тот же Упагупта пытается разыскать кого-нибудь, кто видел Будду, и находит старуху ста десяти лет, сестру царя Прасенаджита. Девочкой она видела Будду, Упагупта приходит к ней – и краем одеяния случайно задевает стоящий на полу кувшинчик с маслом. Старуха говорит: когда был жив Будда, даже самый нерадивый из его учеников ни за что такого не допустил бы. А потом вспоминает, как в детстве потеряла золотое украшение: оно лежало на изголовье, но в те дни во дворце гостил Будда, сияние наполняло все покои и в его лучах золота было не видно (4–7). Некая демоница пытается помешать Упагупте проповедовать: является в облике красавицы, отвлекает слушателей. Монах надевает ей на шею зловонное ожерелье из черепов, она пытается его снять – и не может, и даже главный демон Мара бессилен ей помочь. Она возвращается к Упагупте, просит избавить ее от ожерелья, а взамен обещает исполнить любое его желание. Монах отвечает: ты видела Будду (ибо демоны долговечнее людей), покажи мне его облик! Демоница соглашается, но просит, чтобы монах помнил: это всего лишь наваждение. А он забывает и, видя прекрасный лик Будды, заливается слезами (4–8).

К какому времени относится следующий рассказ, неясно. Его герой, монах, странствует по Индии, наблюдая обычаи общины. В одном храме все живут праведно, только двое стариков не молятся, не изучают Закон, а постоянно играют в шашки; оказывается, они-то и есть настоящие праведники, ибо в игре созерцают подобие человеческой жизни, где заблуждения и просветление так же неразделимы, как «черные» и «белые» на доске. В другом месте монах-отшельник ночью поднимает шум: грабят! Герой рассказа вместе с крестьянами из ближней деревни приходит на помощь – и узнает, что грабителем был сон, сморивший монаха, отнявший у него время. Третий встречный монах ведет себя как безумный, ни мгновения не сидит на месте: то бегает, то ложится, то вскакивает, то хохочет, то рыдает. Он объясняет: «Человек родится на небесах, смотришь – а он уже родился человеком. Родился человеком – и вдруг сходит в подземные темни-

цы. Сошёл в подземные темницы – и вдруг сходит на путь голодных духов. Сошёл на путь голодных духов – и вдруг становится асурой. Стал асурой – и вдруг сходит на путь животных, так и мечется. Три мира беспокойны, как и мой обычай. Кто увидит, как это дурно, тот поймет непостоянство трех миров, вот чего я хочу и вот почему много лет бегаю, как сумасшедший!». Весь рассказ поддерживает тему относительности таких мерок, как мудрость и безумие, что позже получит продолжение в японской традиции *дзэн* (4–9).

Вместе с тем, нельзя сказать, чтобы между праведным и грешным не было разницы: если грешный обретает благую участь, стало быть, какое-то благое деяние перевесило его грехи; точно так же, если мудрец страдает, значит, в его мудрости был какой-то важный изъян. В час кончины беспутного монаха к его одру толпой собираются будды и бодхисаттвы. Он возрождается на небе, и собратья по храму узнают, что он всю жизнь «полагался на тот благой образ трех тел будды¹⁴, что пребывает в нашем собственном теле, и неустанно, дни и ночи постоянно помнил о нем» (4–10). Монах-странник встречает человека, который бьет своего сына, заставляя его учить сочинение Панини по санскритской грамматике; монах сообщает, что этот ребенок – новое перерождение самого Панини. Его строки «разошлись по свету, кажутся теперь мудрыми, но ему в следующей жизни никакой пользы не принесли: обрел он вот такое тело глупца, не помнит прежней своей жизни, не может запомнить строки, им самим сочиненные. А вот Закон Будды не таков: хоть и кажется, будто сейчас от него толку нет, но в последнем веке он поможет вспомнить прошлые дела так ясно, будто видишь их воочию, заранее узнать о делах будущих. Вот почему непременно нужно освоить Закон Будды!». Монах рассказывает, как однажды летучие мыши услышали, как монах читает вслух буддийский трактат (даже не сутру, а толкование к ней) и благодаря этому смогли родиться людьми и стать монахами (4–11). Одному царю жрецы, служители богов, предсказывают, что его больной сын выздоровеет, а монах предрекает, что царевич умрет, и тот умирает; царь убеждается, что жрецы ему лгут, вещая от имени богов, и обращается к Закону Будды (4–12).

---

¹⁴ Вселенского «тела Закона», земного «превращенного тела» и блаженного «тела воздаяния», соотносимого с такими буддами, как Амитабха и Бхайшаджьягуру, властителями «чистых земель». Созерцание будд в собственном теле отсылает к традиции «исконной просветленности», *хонгаку*, одной из самых влиятельных в Японии XII в.

В нескольких рассказах речь идет о чудесной силе таких буддийских обыкновений, как чтение сутр, изготовление статуй Будды, поднесение монахам еды и одежды и др. Корабль на море попадает в бурю: дракон хотел затянуть его на дно, но на корабле есть монах, он читает сутру, дракон погибает и возрождается на небе (4–13). Охотясь в горах, царь встречает женщину, на которой вспыхивает и сгорает любая одежда, ибо в прошлой жизни ее муж хотел одарить монахов, а она этому помешала; поднеся в дар общине монашеские одеяния, царь избавляет женщину от напасти (4–14). Бедные старики хотят поднести дары общине, но все, что у них есть, – это прекрасные волосы старухи. Она их продает, на выручку готовит кашу для монахов – и каша в котелке не кончается, сколько бы оттуда ни брали; так бедняки становятся богаты (4–15). Две бедных женщины заказали художнику образ Будды, но заплатить могут только полцены, так что мастер рисует им одного Будду на двоих, они из-за него ссорятся, но вдруг образ чудом раздваивается (4–16). Изваяние Будды наклоняется, чтобы вор мог достать драгоценный камень с его лба (4–17). Царь казнит преступников, выпуская на них боевого слона; после пожара во дворце слона на время отводят в храм, там он слышит чтение «Лотосовой сутры» – и после этого отказывается топтать людей; слона на одну ночь привязывают возле бойни, и ярость возвращается к нему (4–18). Чтение «Лотосовой сутры» слышат крысы, живущие на храмовом чердаке, и возрождаются людьми (4–19). Царь полюбил чужую жену, и чтобы избавиться от ее мужа, посылает его за лотосами из озера, которое охраняют демоны; по совету жены муж при встрече с демонами произносит слова: «Ищу себе прибежища у Будды, слава ему! Ищу себе прибежища у Закона, слава ему! Ищу себе прибежища у общины, слава ей!»¹⁵. Демоны не причиняют ему вреда, а наоборот, помогают (4–20). Поднеся дары Будде, Закону и общине, человек спасается от казни (4–21). Жена тайком от мужа-иноверца выучивает несколько строк из «Лотосовой сутры»; муж вырывает ей глаза, но два слова, «Чудесный Закон» (*Сад-Дхарма*) входят в ее глазницы, и зрение к ней возвращается (4–22).

Далее повествователь обращается к истории разделения буддийской общины на школы. Человек по имени Махадева совершает тяжчайшие грехи: женится на собственной матери, убивает отца, затем убивает монаха, бывшего свидетелем его преступлений. Рассказ этот в «Кондзяку» не окончен, он восходит к «Абхидхарма-махавибхаша-

¹⁵ То есть произносит формулу «тройного прибежища», которая означает, что человек стал буддистом.

шаштре»¹⁶, где говорится, что затем Махадева ушел в монахи и совершил еще один тяжкий грех: внес раскол в общину. Его последователи стали называться махасангхиками, *дайсю:бу*, «большой общиной», а противники – стхавиравадинами, *дзё:дзабу*, «приверженцами учения старейшин». Речь идет о появлении в буддизме двух направлений: более строгой стхавиравады и более открытой махасангхики. Предание о Махадеве воспроизводится не только в традиции стхавиравады, но и в махаянских текстах, чтобы 1) доказать, что разделение «буддизма для лучших» и «буддизма для всех» произошло при нем, и знаменитые наставники махаяны в расколе неповинны; 2) переадресовать махасангхике все упреки, которые можно предъявить махаяне (мягкость требований, потакание человеческим порокам и пр.).

В следующих рассказах говорится о знаменитых наставниках махаяны. До того как стал монахом, Нагарджуна, основатель «учения о пустоте», изучал книги иноверцев вместе с товарищами; по рецепту из этих книг юноши готовят зелье, чтобы сделаться невидимыми, пробираются во дворец и домогаются царских жен; стража их ловит, ведь даже невидимки оставляют следы, двое погибают, а Нагарджуна спасается и уходит в монахи (4–24). К нему, уже умудренному подвижнику, из дальних краев приходит учиться другой знаменитый монах, Арьядева. Дальше пересказано предание, известное во многих изводах: чтобы испытать гостя, почтительно ждущего у ворот, Нагарджуна велит ученику отнести ему чашу с водой; гость достает из своего дорожного припаса иголку, бросает в воду и возвращает чашу. Разные толкователи по-разному поясняют этот безмолвный диалог¹⁷; в «Кондзяку» Нагарджуна так отвечает озадаченному ученику:

¹⁶ Яп. «Абидацима дайбибася-рон», ТСД 27, № 1545, 510с–512а. Разбор преданий о Махадеве, в частности, этого рассказа «Кондзяку», см.: *Mair V. An Asian Story of the Oedipus Type // Asian Folklore Studies. 1986. Vol. 45. P. 19–32; Silk J.A. Riven by Lust: Incest and Schism in Indian Buddhist Legend and Historiography. Honolulu, 2009.* .

¹⁷ Сюань-цзан, из чьих записок эта история попала в «Кондзяку», передает слова Нагарджуны так: «Вот вода. Соответственно форме сосуда она приняла круглую форму. Она становится чистой либо мутной в зависимости от веществ, [которые в ней находятся]. Она наполняет [сосуд] целиком. Ее чистота и прозрачность неизмеримы. То, что я наполнил [сосуд водой] и показал ее, – это сравнение с полнотой знаний, которые присущи моей учености. Если он бросил в нее иглу – значит, он постиг ее до самого дна. Этого необыкновенного человека следует немедленно пригласить войти». См.: *Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Пер. Н.В. Александровой. М., 2012. С. 279–280.*

– Монах пришёл издалека [...], говорит, что хочет принять Закон для передачи. Я на это не ответил, а налил в чашку воды и передал ему. Хоть сосуд этот и мал, но в воде отразится облик того, кто проделал путь в десять тысяч ри. Мудрости у меня немного, как воды в этой чашке, пусть же образ твоей мудрости длиной в десять тысяч ри отразится в этом малом сосуде! Вот что я имел в виду, когда передавал ему чашку с водой. И мудрый гость без слов понял мою мысль, достал иголку и положил в чашку. Моя мудрость подобна иголке, и ею я хочу до самого дна проникнуть в твою мудрость, огромную, как море! – вот что имел в виду он.

После этого Нагарджуна начинает учить, а Арьядева принимает Закон, «подобно тому как вода переливается из сосуда в сосуд». В «Кондзяку» эта формула повторяется не раз, особенно часто – в рассказах о том, как японцы учились Закону у китайских наставников (в свитке 11-м); здесь этот образ наглядно дан в действии рассказа.

Двое других мыслителей, братья Асанга и Васубандху, основатели «учения об одном лишь сознании», поначалу живут врозь и следуют разным изводам учения: Асанга от бодхисаттвы Манджушри воспринял наставления Великой колесницы, а Васубандху от Пиндолы – традицию Малой колесницы. Об их наставниках читателю «Кондзяку» уже известно, что Манджушри мог бы стать буддой и в прежние века Шакьямуни учился у него, но коль скоро буддой стал Шакьямуни, Манджушри признал его как учителя (3–2); а Пиндола среди учеников Будды был первым «хитрецом», умел подстраивать самые удачные «уловки», чтобы обратить людей к Закону (3–23). Услышав от одного из учеников Асанги «Главу о десяти ступенях» из «Сутры цветочного убранства»¹⁸, Васубандху раскаивается, что прежде отрицал истину и пытается отрезать себе язык; Асанга чудом чувствует это и на расстоянии многих верст останавливает его: «Раньше этим языком ты хулил Великую колесницу, а теперь этим же языком восхвалил ее!». Затем Васубандху приходит к нему и принимает от него учение махаяны (4–26). В этих историях для рассказчика важно не просто показать наставников махаяны живыми людьми, но и подчеркнуть, что их выбор был трудным, требовал некоторой борьбы с собственными склонностями и с обстоятельствами. О более простых путях речь пойдет дальше.

¹⁸ «Аватамсака-сутра», яп. «Кэгон-кё:», ТСД 9, № 278, 542а–578а; в этой главе говорится о десяти уровнях совершенствования махаянского подвижника, бодхисаттвы.

В последнем из «исторических» рассказов ученик Васубандху по имени Дхармапала встречается с учеником Арьядевы, Бхававивекой. Приверженцы двух махаянских традиций, учений о «пустите» и об «одном лишь сознании», спорят: существуют ли дхармы или они пусты? В споре никто не победил, и Бхававивека решает остаться в мире до тех пор, пока не явится будущий будда Майтрейя: только он сможет разрешить этот спор. Бодхисаттва Авалокитешвара советует ему дожидаться прихода Майтрейи на небе Тушита, но монах стоит на своем и затворяется в горной пещере, где и останется до конца «последнего века» (4–27). Здесь мы видим своеобразный двойственный взгляд на трудные вопросы учения: они неразрешимы, если их ставить жестко («или – или»), однако есть надежда, что в будущем, когда начнется новый век «Правильного Закона», эти вопросы будут решены или сняты. Тот, кому истина важна, а ученые споры непонятны, может молиться о будущей встрече с Майтрейей – то есть уже сейчас сделать для выяснения истины нечто, вполне посильное для обычного человека.

Следующие рассказы посвящены особенно чтимым в Японии буддам и бодхисаттвам. Перед чудесным изваянием Авалокитешвары¹⁹ люди гадают, издавек бросая на него венки из цветов; кто попадет, у того желания сбудутся. Один монах из дальних краев спрашивает: смогу ли я, изучив Закон в здешних местах, невредимым вернуться домой; смогу ли в этой жизни накопить достаточно заслуг, чтобы возродиться на небе и увидеться с Майтрейей; имею ли я природу будды, и если да, смогу ли выявить ее? – и получает три утвердительных ответа. В Японии о «природе будды», *буссё*: , спорили монахи школ Хоссо: (последователи Асанги и Васубандху) и Тэндай (приверженцы «Лотосовой сутры»); первые считали, что буддой стать может не каждый, вторые настаивали, что каждый. Показательно, что здесь этот вопрос решается гаданием – сравнительно простым путем, требующим лишь веры, – а Авалокитешвара выступает и как защитник странников, и как податель знания (4–28). После землетрясения в горах люди находят древнего архата, ученика будды Кашьяпы: он узнает, что его будда ушел в нирвану, с тех пор в мир явился Шакьямуни и тоже уже ушел; чудесным пламенем архат сжигает себя, а люди строят пагоду над его останками (4–29). Некий брахман торгует человеческими черепами: у тех, кто при жизни слушал «Лотосовую сутру», черепа отличаются от других (4–30). Лекарва с помощью разных хит-

¹⁹ О чудесах этого бодхисаттвы в Японии говорится в «*Кондзяку*» в свитке 16-м.

ростей добивается, чтобы царь принял необходимое, но неприятное лекарство (прочих врачей царь уже казнил). Об учении Будды здесь речи вовсе нет, хотя лекарь и носит имя Дживака, как тот врач, который лечил Будду; рассказ поддерживает тему «уловок» (4–31). В Китае сановник, опальный, но сведущий в медицине, по просьбе царя готовит лекарство для царевича; питая вражду к царю, он вместо лекарства стряпает яд и называет его индийским словом *агада*; царь и царевич с верой принимают его, и яд не убивает, а исцеляет. Позже царю являются юноша и девушка (возможно, посланцы будды-целителя Бхайшаджьягуру) и говорят, что они подменили снадобье, чтобы об индийском лекарстве не пошла дурная слава (4–32). Тему силы слова продолжает рассказ о том, как на состязании быков один бык проиграл, когда хозяин его бранил, и выиграл, когда тот похвалил его (4–33).

Два брата идут через безлюдные горы, у каждого при себе большой запас золота. Одному из них приходит мысль убить другого и завладеть его богатством; решив, что брат, вероятно, думает так же, он бросает свое золото в горную реку; так же поступает и другой брат (4–34). Монах встречает крестьянскую семью, где только что умер сын; к его удивлению, родители совсем не скорбят, ибо эти простые люди лучше, чем монахи, понимают учение Будды о непостоянстве (4–35). Здесь опять зло оборачивается благом, а простота мудростью, и наоборот.

В Парфянском царстве объявляется говорящий попугай: он произносит хвалу будде Амитабхе, владыке Чистой земли – буддийского «рая». Люди, не понимая его слов, повторяют их, ибо иначе птица чахнет, и в итоге попадают в Чистую землю; попугаем обернулся сам Амитабха (4–36). А к одному из островов южнее Шри-Ланки приплывают рыбы, способные возглашать славу тому же Амитабхе, и если люди повторяют за ними слова, рыб приплывает все больше; так островитяне все возрождаются в Чистой земле, и в итоге их остров становится необитаем (4–37). Эти истории могли бы звучать как насмешки над амидаизмом – той традицией, где все подвижничество сводится к повторению слов «Слава будде Амитабхе!», что доступно и попугаям, и даже рыбам. Но если смотреть изнутри самой амидаистской традиции, то такая предельная простота – достоинство, а не недостаток.

Покаявшись в грехах прежних жизней перед изваянием будды Бхайшаджьягуру, бедняк обретает богатство (4–38). Праведный монах сетует, что изваяние будущего будды Майтрейи не похоже на са-

мого Майтрею; тот придает статуе свой настоящий облик на виду у множества людей и предрекает, что всем, кто изготавливает его образы, он поможет найти истинный путь (4–39). Бедная женщина и ее маленькая дочка решают переписать «Лотосовую сутру», чтобы избавиться от бедности, для этого девочка идет продавать свои волосы и попадает в руки убийцы: тот по приказу царя ищет пригосее дитя, чтобы вырезать его печень и приготовить для царевича лекарство от немоты. Девочка просит отвести ее к царю, умоляет пощадить ее ради матери, царевич слышит ее мольбы и, впервые в жизни заговорив, просит отпустить ее. Царь так и поступает, щедро наградив девочку, и она с матерью переписывает сутру. По словам рассказчика, причина всему этому – чудесная сила сутры (4–40). В этой серии рассказов учение о «передаче заслуг», *эко:*, о том, что будды могут помочь человеку, добавив к его заслугам свои, оказывается для японского рассказчика не менее важным, чем махаянские учения о «пустоте» и «одном лишь сознании».

В последнем рассказе 4-го свитка отец, горюя об умершем маленьком сыне, приходит к богу Яме, судье мертвых, и просит разрешения увидеться с мальчиком. Яма разрешает – но отец убеждается, что сын не помнит его (4–41). Такой печальный итог, невозможность самого желанного чуда – победы над непостоянством – в «*Кондзяку*» подводится и в других свитках, например, в 31-м, завершающем японскую часть собрания. Но повествование об Индии на этом не кончается.

Рассказы 5-го свитка о временах до прихода Будды²⁰ представляют большое разнообразие жанров буддийской словесности. Начинается свиток с преданий (*нидана*, яп. *энги*). Приводятся две истории о том, откуда пошло название страны Симхала (Львиная страна, она же Шри-Ланка): от торговца Симхалы, который освободил этот остров от злых демонниц (5–1) – или же от юноши, чья мать была человеком, а отец львом (5–2). За ними следует еще одна история о том, что благо и зло относительно: царь хитрыми способами пытается изобличить вора, укравшего драгоценный камень, тот не поддается и в итоге

---

²⁰ См.: *Кханна А.* «Кондзяку моногатари-сю: ни окэру Тэндзика фу Буцудзэн ни кансүру икуцука-но ко:сацу [Несколько соображений к свитку «Индия до Будды» в «Собрании стародавних повестей»] // Кокусай Нихон бунгаку кэнкю:сю:кай кайко:року [Материалы межд. конф. «Японская литература»]. 2010. С. 109–117. Как отмечает А. Кханна, прежние рождения Будды не составляют главной темы этого свитка; скорее, в нем идет речь о вечности Закона, единого у разных будд.

становится царским советником, возвращает камень и получает полцарства в награду (5–3). Здесь важно то, что вору помогает знание преданий. Читатель вместе с ним может разгадать царскую хитрость: по приказу царя девушки-музыкантши должны были разыграть для мертвецки пьяного вора сцену, будто он умер и возродился на небесах (расчет был на то, что уж богиням-то вор лгать не станет). Он, однако, понимает, что перед ним не богини – ибо помнит, что божества, в отличие от людей, не мигают; в «Кондзяку» об этом говорилось в самом первом рассказе – о сошествии Будды с неба Тушита. Но порой уловки действуют и на мудрецов: отшельник рассердился на драконов, запечатал их в свой кувшин, и во всем мире не стало дождей (ибо дождь насылают драконы), началась засуха; красавице-певице удастся очаровать отшельника, и драконы вырываются на волю, а старец потом на спине приносит красавицу в ее родной город (5–4). Девочка, рожденная от отшельника и оленихи, становится женой царя, а все их дети уходят в монахи и достигают святости (5–5). Царица рождает пятьсот яиц и велит бросить их в реку; правитель царства ниже по реке их вылавливает, из них рождаются чудобогатыри, подрастают, идут войной на родное царство – но узнают мать и заключают мир (5–6). Эти предания взяты в основном из записок Сюань-цзана, где связаны с достопамятными местами на его пути; в «Кондзяку» привязки к пути паломничества нет.

Дальше следует несколько рассказов в жанре джатак (яп. *хонсё*:). Герой каждого из них – Шакьямуни в одном из прежних рождений, в основном он жертвует собой ради ближних или ради Закона. Царевич собственной плотью кормит родителей в изгнании (5–7); царь никому не отказывает в милостыне и по просьбе зловредного брахмана отдает ему свою голову (5–8); другой царь наносит себе тысячу ран и зажигает в них светильники, чтобы услышать всего две строки из наставлений прежних будд: «Едва родились – тотчас умираем; прекратить это – вот радость!» (5–9). Еще один царь в поисках Закона позволяет день за днем пронзать свое тело иглой, и в итоге ему сообщают первые две строки из широко известного стихотворения: «Не делай никакого зла, чти и совершай всякое благо, сам очищай свой ум – таково учение всех будд», *сёаку макуса || сёдзэн бугё: || дзидзё гои || дзэ сёбуцу кё*²¹. Стихотворение называется «общей заповедью семерых будд», то есть Будды Шакьямуни и его предшественников (5–10). В безводных горах странник разбивает голову о камень – и

²¹ См. о толкованиях этих стихов: *Трубникова Н.Н.* «Главный смысл Закона Будды» у Догэна и его современников // *Вопр. философии.* 2015. № 7. С. 160–183.

кровь обращается в воду, чтобы напоить его спутников (5–11); музыкант, играя на цитре, побуждает пятьсот царских сыновей разом уйти в монахи (5–12). Всё это – прежние дела Будды.

Заяц жарит в костре самого себя, чтобы накормить старика (5–13). Лев дает орлу собственного мяса, чтобы спасти детенышей обезьяны; в будущем рождении этот лев станет Буддой Шакьямуни, а обезьяны его учениками (5–14). Монах радуется пожару в царском дворце, ибо жадность до богатства приносит дурные плоды в будущей жизни (5–15). Стражник из царского дворца находит на берегу пруда чудесный плод и преподносит царю; царь велит раздобыть еще таких плодов. Стражник узнает, что плод этот – из подводного царства драконов, дракон готов поделиться плодами, если ему дадут услышать слова Закона Будды, а если нет, обещает наслать потоп. Люди с трудом, но находят старика, который от деда слышал о Законе, и в его доме в тайнике обнаруживают перечень восьми заповедей: запретов на убийство, воровство, половое распутство, ложь, пьянство, использование благовоний, широкой и высокой постели, употребление пищи чаще чем один раз в день. Дракон с восторгом слушает, как царь людей читает этот список, и с тех пор два царства, земное и подводное, живут в мире (5–16). Люди могут заключить союз и с животными: один царь выиграл войну при поддержке царя крыс и его острозубых воинов. Здесь человек угрожает крысам, что разорит их убежище, если не получит подмоги, но после победы учреждает ежегодный обряд поднесения даров крысам (5–17).

Олень редкой масти спасает человека, упавшего в реку, человек обещает молчать о том, что видел его, но рассказывает о пристанище чудо-оленья царским людям; олень сам выходит навстречу царю и заливается слезами, в итоге царь узнает о неблагодарности того человека и отпускает оленя с миром²². Этот олень – Будда в одном из прошлых рождений (5–18). Человек выкупил у ловца черепаху и отпустил на волю. Перед большим наводнением черепаха приходит предупредить человека, чтобы заготовил лодку, и он с близкими спасается, а потом, плывя по разлившейся реке, по совету черепахи подбирает в лодку еще змею и лисицу. Тонущего человека черепаха подбирать не советует, «ибо люди не знают благодарности», но ее спаси-

²² О понятии «благодарности», яп. *он*, см.: *Накамура Фумико*. «Кондзяку моногата-ри-сю:»-но «он» ни цуитэ икё бункэн-то но какавари-о тю:син-ни [О понятии «благодарности» в «Собрании стародавних повестей и его источников» // *Studia humanitatis, Nagasaki Junshin Catholic University / Nagasaki Junshin Junior College*. 2006. Vol. 4. P. 94–84 (обратн. пагинация).

тель к этому совету не прислушивается. После наводнения змея показывает тому, кто ее спас, где искать сокровища. А спасенный человек требует, чтобы спасший его половину сокровищ отдал ему, а когда тот отказывается, доносит на него царю как на вора. Черепаха, лисица и змея сообща вывозят своего спасителя из царской тюрьмы (5–19). Лисица провозглашает себя царем зверей, подчиняет себе всех, в том числе тигров, слонов и даже одного льва, но от львиного рыка обмирает со страху, и все ее подданные разбегаются (5–20). Другая лисица, убегая от тигра, падает в колодец – и там у нее пробуждаются помыслы о просветлении. Бог Индра и бодхисаттва Манджушри вытаскивают ее и просят рассказать, к каким выводам она пришла. Выбравшись из колодца, лисица все забывает – но Индра и Манджушри предсказывают ей, что даже недолгие правильные помыслы принесут благие плоды: в будущем она возродится богиней земли Притхиви (в Японии ее почитают под именем Инари и изображают верхом на лисице, 5–21). О прежних жизнях богов речь идет и дальше: царевич женился на царевне далекой страны, потом должен был вернуться в родное царство, жена с детьми долго ждали его, потом пустились на поиски, жена умерла, а дети, послушные ее последнему наказу, ждали отца возле ее тела – и в конце концов дождались, а потом стали богами-хранителями стран света Вайшраваной и Дхритараштрой (5–22). Здесь перед нами примеры жанра *вьякарана* (яп. *дзюки*), «предсказаний», точнее, рассказов о том, к чему приведут в будущем благие деяния героев²³. Для японского повествователя это будущее уже стало прошлым, то есть рассказы сообщают о предыстории богов, чтимых в Японии.

Дальше следует серия притч (*авадана*, яп. *хию*), сюжеты их встречаются в традициях разных стран мира. Стая безносых обезьян насмехается над одной носатой обезьяной, пока бог Индра не сообщает им: это вы, а не она, родились уродами, ибо в прошлой жизни хулили Закон, а носатая обезьяна всего лишь сомневалась в нем (5–23). Журавли спасают черепаху из пересохшего озера: несут ее на ветке, за которую черепаха держится ртом; будучи болтлива, черепаха по пути не может сдержаться, начинает разговор и падает на землю (5–24). Другая черепаха заманивает в море обезьяну, чтобы добыть ее печень, но обезьяна спасается, говоря, что оставила печень дома, а когда ее отвозят домой, убегает (5–25). Слон заботится о слепой матери-слонихе, его ловят для царя, но в неволе слон, тревожась за

²³ См.: *Шомахмадов С.Х.* Интерпретация термина «Вьякарана» в буддийской письменной культуре // Вестник СПбГИК. 2015. № 4. С. 60–64.

мать, не ест и не пьет, и в итоге царь его отпускает (5–26). Другой слон в лесу хватается хоботом человека, уносит в чашу, чтобы тот вынул занозу из ноги его отца, старого слона (5–27). Моряки видят гору посреди моря, узнают, что это не гора, а огромная рыба макара, и спасаются от нее, воззвав в молитве к бодхисаттве Авалокитешваре (5–28). Когда-то и сам Будда был огромной рыбой, а те, кто ел ее, стали его учениками (5–29). Бог Индра посещает отшельника, учится у него Закону Будды, а ревнивая жена бога его выслеживает; при виде богини отшельник лишается чудесных сил, накопленных за годы подвижничества (5–30). Ища пропавшую корову, пастух заходит в пещеру и попадает в иной мир, пробует тамошние плоды – и уже не может выйти обратно, а застывает в пещере каменным истуканом (5–31).

Последний рассказ в индийской части «Кондзяку» отчасти переключается с рассказом 4–1: здесь тоже звучат трудные вопросы, и герой справляется с ними. В некотором царстве принято было изгонять прочь всех жителей старше семидесяти лет. Один сановник, почтительный сын, спрятал престарелую мать в своей усадьбе. Соседнее царство присылает царю трудные загадки и угрожает: если не решишь – мы пойдем на тебя войной. Сановник, тайно советуясь с матерью, все загадки решает; самая трудная из них – как взвесить слона (правильный ответ: поместить слона на корабль, отметить осадку, потом слона вывести на сушу, загрузить корабль камнями, пока не осядет до той же отметки, а потом взвесить камни и сложить их вес). Узнав, что ответы подсказывала старуха, царь запрещает изгонять стариков (5–32).

Для любого из этих многочисленных рассказов можно представить контекст – ту проповедь японского монаха, для которой он послужил бы иллюстрацией. Причем контекст может быть простым – не надо презирать других людей, родичам лучше держаться друг за друга, вера в Закон будды приносит благие плоды и т.п. – а может быть и утонченно-сложным, как, например, в «Собрании песка и камней» («Сясэкисю:», конец XIII в.), где, например, история о Дхармапале и Бхававивеке служит примером к тому, как люди порой говорят разное, имея в виду одно и то же, и спорят по сути лишь о словах. Но, собранные воедино, эти рассказы в «Кондзяку» сами создают контекст друг для друга, образуют целостное повествование – о далекой Индии, временами так похожей на Японию и на любую другую страну в любой век, об учении Будды, столь важном для нашего мира – и в то же время вырастающем из самого этого мира со всеми его страстями и странностями.

Сокращения

ТСД – Тайсё: синсю: дайдо:кё: [Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё]. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/index.html>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari shū by Yoshiko Dykstra. Vols. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

Kishino R. A Study of the Nidāna: An Underrated Canonical Text of the Mūlasarvāstivāda-vinaya, PhD diss., Los Angeles: University of California, 2013.

Mair V. An Asian Story of the Oedipus Type // Asian Folklore Studies. 1986. Vol. 45. P. 19–32.

Silk J.A. Riven by Lust: Incest and Schism in Indian Buddhist Legend and Historiography. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009.

Коминэ Кадзуаки. Кондзяку моногатари-сю: Тэндзикубу-но кэйсэй то ко:дзо: [Состав и структура индийской части «Собрания стародавних повестей»] // Journal of cultural and social science, The University of Tokushima. 1980. Vol. 15, pp. 1–25; 1981. Vol. 16, pp. 1–24.

Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999. (Серия Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое большое собрание памятников японской классической литературы], Т. 33–37).

Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Под ред. Накагава Сатоси, сетевая версия 2018. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html.

Ханна А. «Кондзяку моногатари-сю: ни окэру Тэндзику фу Буцудзэн ни кансүру икуцука-но ко:сацу [Несколько соображений к свитку «Индия до Будды» в «Собрании стародавних повестей»] // Кокусай Нихон бунгаку кэнкю:сю:кай кайко:року [Материалы межд. конференции «Японская литература»]. 2010. С. 109–117.

Накамура Фумико. «Кондзяку моногатари-сю:»-но «он» ни цуитэ икё бункэн-то но какавари-о тю:син-ни [О понятии «благодарности» в «Собрании стародавних повестей и его источниках] // Studia humanitatis, Nagasaki Junshin Catholic University/Nagasaki Junshin Junior College. 2006. Vol. 4. P. 94–84 (обратная пагинация).

Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Пер. Н.В. Александровой. М.: Восточная литература, 2012.

Танака Норихико. Дзиппо: ситихо то тандзё:гэ – «Кондзяку моногатари-сю» Тэндзикубу Буцудэн-о мэгуттэ [Семь шагов на десять сторон и гатха, произнесенная при рождении: из предания о Будде в индийской части «Собрания стародавних повестей»] // Буккё: дайгаку Буккё: гаккай киё: [Труды центра буддийских исследований Буддийского университета]. 2016. Вып. 21. С. 31–55. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Издание подготовил А.Н. Игнатович. М.: Ладомир, 1998.

Трубникова Н.Н. «Главный смысл Закона Будды» у Догэна и его современников // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 160–183.

Трубникова Н.Н. Рассказы об Индии времен Будды в «Собрании стародавних повестей» // Япония. Ежегодник. 2020. Т. 49 (в печати).

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности // Япония. Ежегодник. 2018. Т. 47. С. 162–202.

Шомахмадов С.Х. Интерпретация термина «Вьякарана» в буддийской письменной культуре // Вестник СПбГИК. 2015. № 4. С. 60–64.

NADEZHDA N. TRUBNIKOVA

DSc in Philosophy, Leading researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation; Deputy Editor-in-Chief, Voprosy Filosofii/ Questions of Philosophy Journal, RAS Institute of Philosophy, 12/1, Goncharnaya Street, Moscow, 109240 Russian Federation.

E-mail: trubnikovann@mail.ru.

The Legacy of Indian Buddhism in *Konjaku monogatari-shū*

Abstract: *Konjaku monogatari-shū* (1120s) is the largest collection of *setsuwa* tales in Japanese literature. Among more than a thousand of his stories, 185 are devoted to India. For the most part, these are simple examples of retribution with happiness for good deeds and grief for evil, parables about the relativity of any differences (between the noble and the humble, the rich and the poor, the wise and the fool), cases from the life of Buddha Shakyamuni, his disciples and followers, his opponents and those who lived before his arrival, but tried to study and preserve the teachings of the ancient buddhas. These stories are taken partly from sutras, partly from Chinese Buddhist encyclopedias, or from the writings of Chinese pilgrims who visited India; the plots are presented in Japanese and reflect the view of the Japanese scribes on what the Buddha's homeland should be like. In the narrative, the plot is often tailored to the task: to prove that the Japanese Buddhist community has not strayed too far from the ancient Indian prototype. The *setsuwa* genre itself does not imply consideration of complex philosophical issues, but the more interesting are the stories where excerpts from the books of the Buddhist canon (in Chinese translation) are quoted verbatim or translated close to the text. Also noteworthy are the stories of famous masters such as Nagarjuna and Vasubandhu, and of the beginning of traditions that are especially significant for Japan: the worship of Buddha Amitabha, the bodhisattva Avalokiteśvara and the Lotus Sutra.

Keywords: Japanese Buddhism, Indian Buddhism, *Konjaku monogatari-shū*, *jataka*, *avadana*, *vyakarana*.

The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, “Konjaku monogatari shu in the history of Japanese religious philosophy”.

References

- Alexandrova, N.V., trans. *Da Tang Xiyu Ji*. Vostochnaya literatura, Moscow, 2012. (Russian translation).
- Dykstra, Y., trans. *Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari shū*, Vols. 1–3, Kanji Press, Honolulu, 2015.
- Ignatovich, A.N., trans. *Lotus Sūtra*, Ladimir, Moscow, 1998 (Russian transl.)
- Khanna, A. ‘Konjaku Monogatarishū: Some observations on Volume Five “Tenjiku; Butsuzen”’, *Proceedings of International Conference on Japanese Literature*, 2010, pp. 109–117 (in Japanese).
- Kishino Ryoji IV *A Study of the Nidāna: An Underrated Canonical Text of the Mūlasarvāstivāda-vinaya*, PhD diss., Univ. of California, Los Angeles, 2013.
- Komine, Kazuaki. “The Formation and Structure of Konjaku-Monogatarishū Tenjikubu”, *Journal of cultural and social science*, 1980, Vol. 15, pp. 1–25; 1981, Vol. 16, pp. 1–24 (in Japanese).
- Konno, Tōru et al., eds. *Konjaku monogatari shū*, Iwanami, Tokyo, SNKBT series, Vol. 33–37, 1993–1999. (In Japanese)
- Mair, V. “An Asian Story of the Oedipus Type”, *Asian Folklore Studies*, 1986, Vol. 45, pp. 19–32.
- Nakagawa, Satoshi, ed. *Konjaku monogatari shū*, 2018, URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese).
- Nakamura, Fumiko. ““On” in Konjakumonogatarishu: The Relationship with Its References”, *Studia humanitatis*, 2006, Vol. 4, pp. 94–84 (reverse pagination, in Japanese).
- Shomakhmadov, Safarali H. “The Interpretation of the Term “Vyakarana” in the Buddhist Written Culture”, *Vestnik SPbGIK*, 2015, Vol. 4 (2015), pp. 60–64.
- Silk, J.A. *Riven by Lust: Incest and Schism in Indian Buddhist Legend and Historiography*, University of Hawai‘i Press, Honolulu, 2009.
- Taishō shinshū Daizōkyō [Japanese Buddhist Canon], <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/index.html> (in Chinese and Japanese).
- Tanaka, Norihiko. “The Episode of the Ten Directions and Seven Steps, and the Verse of Buddha’s Proclamation at Birth”, *Bukkyō daigaku bukkyō gakkai kiyō*, 2016, Vol. 21, pp. 31–55 (in Japanese).
- Trubnikova, N.N. ““General Idea of Buddha’s Teaching” by Dōgen and his Contemporaries”, *Voprosy Filosofii*, 2015, Vol. 7, pp. 160–183 (in Russian).
- Trubnikova, N.N. “Tales of India in Buddha Age in Konjaku monogatari shū”, *Yearbook Japan*, Vol. 49, 2020 (forthcoming).
- Trubnikova, N.N., Babkova, M.V. “Konjaku monogatari shū in Scholar Appreciation: Main Issues and Problems”, *Yearbook Japan*, 2018, pp. 162–202 (in Russian).